

Алексей Тепляков

«Базаровско-Незнамовское дело» 1923 г. - технология фальсификации и пропагандистского обеспечения

Знаменитый московский процесс эсеров 1922 г. открыл дорогу ряду провинциальных судилищ. Инерция этого очень громкого дела видна, например, в бакинском процессе декабря 1922 г., когда группу закавказских эсеров осудил ревтрибунал Азербайджанской ССР за якобы поджог нефтепромыслов. По сообщению Д. А. Волкогонова, в ноябре 1922 г. руководство компартии Азербайджана — С. М. Киров, Я. В. Полуян, Васильев — доложили в Политбюро ЦК о процессе над 32 эсерами, из которых восемь (Голомазов, Плетнев, Зайцев, Самородова, Одинцов, Клешанов, Карашарли, Иванов) были приговорены к расстрелу. Информация бакинских лидеров заканчивалась так: «Замену высшей меры наказания считаем совершенно невозможной...» Члены Политбюро одобрили приговор¹.

Несколько позднее, в апреле-мае 1923 г., по лекалам столичного судилища был организован и проведен так называемый Базаровско-Незнамовский заговорщицкий процесс в Новониколаевске (с 1926 г. — Новосибирск), который имел более широкую партийную окраску и носил отпечаток сибирской специфики. Следует отметить, что, по неполным данным, только в период с 15 апреля 1921 г. до конца декабря 1922 г. чекистами Сибири было вскрыто 136 различных «заговоров»², подавляющее большинство которых являлось сфабрикованными. Но даже самые крупные из «заговоров» 1920–1921 гг. — дело Сибирского Крестьянского союза, омский заговор Драчука-Орлеанова, барнаульский заговор (дело так называемой «Алтайской нелегальной организации»), новониколаевские («Сибирско-украинский союз фронтовиков», «Союз мира»), красноярские, томские и якутские дела — имели закрытый характер, и судебные решения по ним обычно выносили коллегии губернских чека. Все эти заговоры были созданы с помощью агентов ВЧК, которые тогда же оказались осуждены заодно с теми, кого оговорили, поэтому рассмотрение такого рода дел в открытом заседании неизбежно открывало бы кухню чекистской работы³. В связи с этим бьет в глаза самоуверенность многолетнего полпреда ВЧК — ОГПУ по Сибири И. П. Павлуновского, решившего вывести на открытый процесс до десятка секретных агентов, являвшихся, согласно сценарию, самыми активными заговорщиками. Вероятно, он был успокоен признательными показаниями, выбитыми чекистами с помощью своих привычных методов, и не ожидал, что даже максимально пристрастное судебное расследование с первых же дней начнет демонстрировать изнанку следственной работы.

Насколько можно судить, Базаровско-Незнамовское дело даже в начале XXI века не было пересмотрено. Не может оно похвастаться и пристальным вниманием со стороны историков: единственная подробная попытка его рассмотрения, предпринятая 40 лет назад томским историком Л. И. Боженко, оказалась целиком в официозном русле, несмотря на привлечение ценных документов, включая полную неувязок, нелепостей и указаний на пыточное следствие стенограмму процесса⁴. Между тем многие современные исследователи и публицисты продолжают воспринимать «Базаровско-Незнамовский заговор» как реально существовавший, опираясь на популярный труд бывшего чекиста Д. Л. Голикова, или, как известный историк С. А. Павлюченков, беря на веру тенденциозные партийные документы⁵. Обращает на себя внимание попытка одного из руководителей УФСБ по Тюменской области А. А. Петрушина, давшего ценные материалы к политическому портрету Базарова, сознательно представить начало дела как случайную удачу чекистов и исказить фамилию агента ГПУ, который успешно провоцировал тюменских фигурантов процесса⁶.

Базаровско-Незнамовское дело рождалось внутри чекистского ведомства, но партийная власть в лице секретаря Сибирского бюро ЦК РКП (б) С. В. Косиора активно ему подыграла. В своем письме в ЦК РКП (б) 6 декабря 1922 г. Косиор сообщил о том, что органы ГПУ раскрыли и ликвидировали заговорщицкую организацию, создавшую повстанческие ячейки по всей Сибири. Секретарь Сиббюро отмечал, что в организации состояло большое количество крестьян, так что она представляла собой нечто вроде «крестьянской радикальной демократической партии», действовавшей против советской власти⁷. Неизвестно, как реагировало руководство страны на эту информацию и имело ли оно отношение к решению провести открытый процесс. Доступная информация выглядит так. Откликнувшись на инициативу Павлуновского, одного из самых авторитетных лидеров края, Сиббюро ЦК на закрытом заседании 5 января 1923 г. заслушало члена Сибирского отделения Верховного трибунала, который уведомил партийных лидеров о том, что в производство Сиботделения поступает из полпредства ГПУ по Сибири дело о контрреволюционной организации Незнамова-Базарова. Поскольку процесс имеет «громкое политическое значение», выступавший трибуналец заявил, что судьям требуются «соответствующие указания» сибирского партийного центра. Откликаясь на просьбу (явно подготовленную с ведома партцентра), Сиббюро ЦК создало специальную комиссию «для разработки вопросов политического характера означенного процесса и для освещения их в прессе» из представителей Сиббюро, ПП ГПУ по Сибири, Сиботделения Верхтриба и Сибпрокуратуры. Были назначены обвинители — П. Г. Алимов (Сибпрокурор), Д. К. Чудинов (заведующий Сибнаробразом), Темкин (председатель Сибцентросоюза) и Березовский (председатель Военно-кооперативного управления Сибири). Определив датой начала суда 21 апреля, Сиббюро распорядилось «процесс не тянуть, а окончить его по возможности скорее», а также развернуть в печати необходимую сопроводительную кампанию и обеспечить явку рабочих на открытые судебные заседания⁸.

Если процессы 1920–1922 гг. в Омске и Новониколаевске над министрами Колчака, белогвардейскими военачальниками Р. Ф. Унгерном и А. С. Бакичем были ликвидацией так называемой исторической контрреволюции, то новониколаевский процесс над 95 участниками «Базаровско-Незнамовской организации» был единственным большим открытым процессом над якобы созданной уже после победы большевиков заговорщицкой организацией, стремившейся к всесибирскому охвату. Основные аресты фигурантов пришлось на вторую половину 1922 г., когда было в основном разгромлено повстанческое крестьянское движение как в Западной (Горный Алтай), так и в Восточной Сибири (Бурятия, Хакасия, Якутия). Властям требовалось показать обреченность попыток свержения большевиков и подытожить успехи в ликвидации открытого военного сопротивления эффективным процессом над заговорщиками, планировавшими поднять восстание в Западной Сибири, но вовремя остановленными чекистской рукой.

Первое сообщение о раскрытии заговора с краткой его характеристикой появилось в краевой газете «Советская Сибирь» 12 января 1923 г. за подписью И. П. Павлуновского. Затем началась весьма основательная пропагандистская кампания. Пять дней спустя в той же газете была помещена большая статья ее главного редактора Д. Г. Тумаркина «Контрреволюционный заговор в Сибири». Видный пропагандист Тумаркин характеризовал заговор как узко-сословный и кулацко-белогвардейский, открыто противопоставляя его разгромленному двумя годами ранее и более опасному Сибирскому Крестьянскому союзу, опиравшемуся, по мнению Тумаркина, на широкие слои деревни. Новый заговор основывался на координированной деятельности двух разных контрреволюционных организаций. Барабинская организация поначалу руководилась эсерами с опорой на бывших белых офицеров, а с лета 1921 г. оказалась в руках у монархиста Незнамова (А. А. Карасевича, он же Леопольд Баратов, он же доктор Грибоедов). В Тюмени казаком и бывшим членом партии народных социалистов Акимом Базаровым (И. Д. Жваловым) была создана нелегальная группировка под более

«демократическими» лозунгами (об их сути Тумаркин не проронил ни слова, поскольку они полностью разбивали версию заговора), которая должна была в момент антисоветского выступления парализовать железнодорожное сообщение Тюменского узла. В начале 1922 г. группа Базарова соединилась с организацией Незнамова, но перед самым выступлением, намеченным на 17 июня и не состоявшимся из-за неявки (!) участников, все заговорщики оказались арестованы. Павлуновский 12 января заявил в прессе о 300 арестованных, в документах Сиббюро, опиравшихся, разумеется, на информацию чекистов, говорилось примерно о 500 привлеченных. Первоначальные же аресты были значительно более массовыми, о чем говорит факт освобождения около 1000 крестьян от судебного преследования⁹.

По словам Тумаркина, данный заговор указывал на основную линию политической борьбы в Сибири на ближайший период. Она была связана с активизацией «кулачества», хозяйственно окрепшего в связи с первыми плодами нэпа и пытавшегося делать «первые шаги к политическим выступлениям». Поэтому на «предстоящем процессе нам нетрудно будет доказать середнякам-крестьянам, что сибирское кулачество... стремилось к их полному хозяйственному и политическому закабалению... политически активное кулачество должно быть изолировано»¹⁰. Неделю спустя Тумаркин повторил свои тезисы в передовой статье «Изоляция кулачества», вновь связав «заговор» с общими вопросами работы большевиков в деревне. По словам редактора, поскольку с началом нэпа политическая активность середняков, «ударившихся... в работу по восстановлению своего хозяйства, разоренного годами войны», резко понизилась, «наш политический лозунг об изоляции активного кулачества должен быть воспринят большинством деревни». По соседству с этой статьей был помещен материал о предстоящем суде над видным эсером П. Я. Дербером, его однопартийцем Вадзинским и меньшевиком Гинзбургом — ответственными советскими служащими, уличенными в связях с заграничной прессой. Автор, укрывшийся под псевдонимом «Дельта», уверял, что если Незнамов готовил вооруженное восстание, то «Дерберы и Гинзбурги из советских учреждений снабжают Мартовых и Данов материалами для подрыва советского престижа за границей», предупреждая, что для наказания «за явный ущерб диктатуре рабочего класса» существует ст. 62 УК РСФСР¹¹.

Завершила первую фазу пропагандистского залпа большая статья В. Н. Ямина «Контрреволюционеры в поповской рясе»¹², содержащая подробный перечень обвинений в адрес священников, привлеченных к процессу. Автор (им был укрывшийся под псевдонимом старейший большевик Сибири, начальник Сиблита В. Д. Вегман) утверждал, что Базаровско-Незнамовская организация «именно тем и была сильна, что имела в своих рядах таких искренне преданных черному делу контрреволюционеров, как испытанных и деловитых попов, и именно потому, что, как известно, попы, продолжают еще, к сожалению, пользоваться некоторым уважением и влиянием в деревне». По версии чекистов, дьякон Барабинской церкви С. И. Дудин являлся главарем районной ячейки незнамовской организации и был связником между Незнамовым и Базаровым; каинский псаломщик М. С. Гаркуш, в доме которого квартировали Незнамов с недавно появившейся у него гражданской женой Л. А. Баратовой-Семеновой (чекисты именовали ее баронессой Эссен и выдавали за связную, приехавшую с Дальнего Востока с деньгами от атамана Г. М. Семенова и бывшего главкома Уфимской директории В. Г. Болдырева¹³), создал мыловаренную артель, все члены которой состояли в заговоре. Гаркуш планировал отравить «многих коммунистов и ответственных работников спиртом, в котором [был бы] разбавлен яд»¹⁴. Представленный старым контрреволюционером священник П. И. Чемоданов обвинялся в вербовках заговорщиков и приобретении оружия для организации. Статья заканчивалась рекомендацией комячейкам «следить за всякой деятельностью попов».

Далее, до второй половины апреля, «Советская Сибирь» ряд материалов посвятила разоблачению деятельности церкви в связи с делом патриарха Тихона и московским

процессом над видными католическими священниками¹⁵. А накануне процесса, 20 апреля, поместила статью «Незнамовско-Базаровская контрреволюция. Кто они?», где был дан социальный состав вождей заговора, охарактеризованных как «великолепнейший союз белогвардейского офицерства, духовенства, буржуазии и чиновников». Автор (В. Вель) утверждал, что организация существовала на деньги кулаков. А 21 апреля Д. Тумаркин в материале «Урок предстоящего процесса» вновь заявил, что заговор — детище офицеров-карателей и новой, кулацкой, контрреволюции, выросшей на почве нэпа. Все эти заклинания перемежались статьями, заполненными руганью в адрес сменовеховцев и всех, кто рассчитывал на политические уступки со стороны большевиков¹⁶.

Что касается освещения процесса, то оно шло в течение месяца, с подробным, но тенденциозным освещением выступлений подсудимых. «Советская Сибирь» пыталась иронизировать над отказами большинства фигурантов признать вину, но ни разу не процитировала многочисленных заявлений о пытках и издевательствах — с фамилиями чекистов-истязателей — во время предварительного следствия. Вместе с тем читатели смогли узнать — хотя и очень кратко — точку зрения всех адвокатов, а также содержание программы А. Ф. Базарова, в которой содержался призыв к ненасильственному протесту против произвола властей и преследований бывших офицеров, беженцев и эмигрантов, а также предложение автономии для Сибири.

Г. Л. Олех в своей монографии верно отмечает «глубокую обоюдную заинтересованность провинциального партийного и чекистского руководства в «обнаружении и разоблачении» контрреволюционного подполья» и утверждает тезис о фабрикации процесса. Вместе с тем Олех не вполне прав, говоря о существовании «небольшой группки политических авантюристов во главе с Незнамовым и Базаровым, не имевшей ни ясной цели, ни средств, ни организации, но зато ловко пускавшей пыль в глаза доверчивой публике», которая «как нельзя кстати летом 1922 г. подвернулась под руку» ГПУ Сибири¹⁷. С нашей точки зрения, речь шла о долго подготавливавшейся крупной чекистской провокации, в которой оказалось задействовано множество сексотов и вынужденных лжесвидетелей. С их помощью было арестовано огромное число людей, имевших обычно лишь самое поверхностное знакомство с «заговорщиками». Стенограмма судебного заседания дает множество доказательств провокационной деятельности сибирских органов ВЧК — ГПУ.

Все подсудимые делились на две группы: признавших и не признавших вину. Как и на процессе эсеров в Москве, усилия организаторов этого фарса сосредоточились на том, чтобы заставить одну часть обвиняемых свидетельствовать против другой. Также заметно членение подсудимых на блоки: врачи-отравители; священники — организаторы повстанческих ячеек; военнослужащие и милиционеры — поставщики оружия; советские работники — диверсанты; дезертиры, а также большая группа зажиточных крестьян — повстанческий актив. Около 20 фигурантов в прошлом являлись офицерами царской и белых армий. Фактически противостояние подсудимых шло по линии «жертвы» и «жертвы, насильственно завербованные в сексоты» при активной роли нескольких рьяных провокаторов. Как отмечает современный исследователь, большинство фигурантов содержались под стражей в течение долгого времени без предъявления обвинения и в мучительных условиях¹⁸.

По версии чекистов, ячейки заговорщиков были созданы в Тюмени, Омске, Барабинске, Павлодаре, Петропавловске, Кургане и ряде крупных сел. Следствие и суд пытались советского служащего А. Ф. Базарова (Жвалова), при отступлении Колчака создавшего маленький партизанский отряд, представить белым карателем, 19-летнего С. С. Иванова-Боярского — бывшим офицером, а пожилого священника П. И. Чемоданова — контрреволюционером-рецидивистом. Отобрались в данном процессе и все известные репрессивные практики: инфильтрация агентурой, шантажно-пыточное следствие, аресты

родственников, включая несовершеннолетних детей. В подготовке материалов были задействованы несколько губернских ЧК, следствие курировали И. П. Павлуновский и его заместитель М. Т. Ошмарин. Базаровско-Незнамовский процесс четко отразил как старания следователей, так и сопротивление многих арестованных.

Обвинение изобиловало яркими деталями: здесь и две подпольные организации, сливающиеся в единую структуру, и убийство одного из руководителей своими же как «предателя», и несколько покушений на убийства, подготовка массового отравления, поиски оружия на дне озера, таинственная баронесса и загадочный атаман, обилие персонажей, обладающих несколькими фамилиями. Чекисты объединили в единый заговор монархистов и коммунистов, офицеров и уголовников, священников и крестьян, врачей и кооператоров, военнослужащих и сексотов. Только шпионаж не удалось «натянуть», хотя от одного из фигурантов силой добились показаний о том, что Незнамов получал деньги из Америки¹⁹.

Обнаружив неудавшуюся попытку создания нелегальной организации со стороны сотрудника РКИ бывшего казачьего офицера и коммуниста И. Д. Жвалова (А. Ф. Базарова), чекисты связали его со специально созданной квази-организацией во главе с бывшим колчаковским офицером и активным участником Западно-Сибирского крестьянского восстания, авантюристом с криминальными наклонностями и пьяницей А. А. Карасевичем (Незнамовым). Жвалов-Базаров не смог создать группы, в т. ч. потому, что многие собеседники принимали его за провокатора, зато «атаман» Незнамов был успешно спровоцирован усилиями целого ряда спецагентов. Базаров был независимо мыслящей личностью, желавший мирными средствами требовать прекращения террора в отношении крестьян и бывших офицеров, но не нашедший явных сторонников. Проживавшие по чужим документам Базаров и Незнамов были во всем остальном абсолютно противоположны²⁰, но чекисты с помощью агентуры, набранной в т. ч. из уголовников, объединили их в качестве лидеров повстанческой организации.

Жертвами процесса стали преимущественно жители Каинска, Барабинска и Тюмени. Базаров якобы организовал антисоветские ячейки в Тюмени и Барабинске, надеясь со временем создать Сибирскую автономную крестьянскую республику, а в начале 1922 г. встретился с представителями группы Незнамова, действовавшего в Каинске и готовившего вооруженное выступление. Всего, по версии следствия, в организации насчитывалось до 2000 активных членов — кулаков, колчаковцев, торговцев и духовенства. Летом-осенью 1922 г. чекисты «разоблачили» заговор²¹. А. А. Петрушин сообщает недостоверные сведения о том, что чекисты случайно в мае 1922 г. вышли на организацию благодаря донесению бывшего белого офицера Избышева. На самом деле, в материалах процесса вместо мифического Избышева фигурирует явный агент Избож (его не было среди подсудимых). Дело же разрабатывалось чекистами, видимо, еще с лета 1921 г., если не раньше, когда к перешедшему на сторону красных активному участнику Западносибирского крестьянского восстания Незнамову в Барабинске был подставлен провокатор А. Окулич, бывший офицер колчаковской дивизии морских стрелков. Окулич выдавал себя за уцелевшего после разгрома придуманного чекистами «Сибирско-Украинского союза фронтовиков» начальника контрразведки главаря этой организации — «дяди Вани», под личиной которого скрывался бывший эсер и агент Новониколаевской ЧК И. С. Степанов.

Окулич вместе с другим бывшим офицером и агентом ЧК Дубровиным (он же Олег Волконский) вовлек Незнамова в «организацию», а действовавший в Омске агент Феокритов дал ему кольт и две гранаты. Началась имитация бурной подпольной работы, в результате чего вокруг Незнамова то и дело менялись активисты мифической «организации». Исчезнувших в связи с новыми заданиями Окулича с Феокритовым, а также умершего Дубровина сменили М. И. Островский, бывший брандмейстер, выдававший себя за офицера и руководителя томского и восточно-сибирского филиалов

«организации»²², а также другие, не менее темные личности. Одним из лидеров организации стал явный сексот и уголовник М. А. Матюшкин, щеголявший на процессе блатным жаргоном и хвалившийся былым участием в казнях священников и офицеров на севере России. Впоследствии сотрудник отделения ДТЧК ст. Барабинск И. Л. Мерзляков, действовавший под фамилией Гусев, передавал Незнамову продукты для его «организации» и участвовал в подготовке покушения на заведующего заготконторой В. К. Балабуху, ложно обвиненного в попытке убить «атамана».

Чекисты «растили» Незнамова в качестве заговорщика не менее года. 22-летний Карасевич-Незнамов, будучи авантюристической и психически неуравновешенной личностью, отлично подходил для их целей. В 14 лет он бежал от семейных неурядиц на фронт, где вскоре участвовал в убийстве офицера, а после контузий и ранений страдал, вероятно, травматическим неврозом. На чекистском жаргоне операция по провоцированию Незнамова именовалась использованием «втемную», то есть без ведома объекта. Вместе с двумя сообщниками-сексотоми — ранее судившимся за уголовное преступление К. П. Соколовым и юнцом С. С. Ивановым-Боярским — Незнамов в окрестностях Каинска весной 1922 г. сначала застрелил своего заместителя по «организации» М. И. Островского, заподозренного в том, что он являлся агентом ЧК (у убитого нашли штампы ряда учреждений, в т. ч. печати отдела управления при Сибревкоме, Особого отдела и полпредства ВЧК по Сибири), а затем пытался убить В. К. Балабуху, который с трудом уцелел после его избиения окружением Незнамова.

Вся темная история с «предательством» Островского, вероятно, была организована чекистами с целью отрезать Незнамову пути для отступления, ибо сведения о том, что Островский написал в Томскую губчека письмо с предложением выдать организацию Незнамова за 5 млрд руб., поступили от самих чекистов и их агента С. С. Иванова-Боярского²³. Можно предположить, что чекисты, толкая Незнамова на убийство Островского, сознательно крестили кровью «атамана» и его окружение. Или же Островский как агент стал вызывать какие-то опасения, и им — по распространенной в «органах» практике — пожертвовали как «отработанным материалом».

Все шестеро активистов «организации» Незнамова были явными агентами ВЧК — ГПУ. Они убеждали контуженного на фронтах, где он получил три ордена, и с тех пор подверженного припадкам Незнамова в том, что его хотят предать и убить. Поняв, что никаких вооруженных отрядов у его сообщников нет, и увидев среди приехавших к нему «предводителей» чекистского агента, известного своим участием в провоцировании бывших офицеров в Новониколаевске, Незнамов заявил: «Нами торговали в розницу, хотели торговать оптом, но им не удастся», и приказал всем спасаться бегством. Арестованного в Средней Азии Незнамова чекисты отправили в Омск, а затем — в Новониколаевск, где, как показал «атаман», «в течение трех суток я пробыл на льду, утратив способность ко всему». По словам Незнамова, отчетливо осознавшего во время следствия и суда, что его соратники на деле представляли собой агентуру ГПУ, «организация являлась спровоцированной», состояла из 7 чел. и «под моей фирмой работали другие».

Во время следствия самым активным образом шла внутрикамерная обработка арестованных. Инженер-строитель и бывший прапорщик Колчака В. С. Голосницкий заявил на суде, что в тюрьме у него вымогали некий план организации, причем требовал этого сам заместитель полпреда ГПУ по Сибири М. Т. Ошмарин, «потому я стал фантазировать и начертил» схему организации. А нужные фамилии в эту схему помог ему подставить сокамерник А. М. Михалевский²⁴. Страдавший эпилепсией Н. А. Гуров показал, что сотрудник ГПУ Филипакин заставил его под давлением дать показания на некоторых «заговорщиков»; причем Филипакин был посажен в общую камеру. Священник Чемоданов жаловался на сидевшего вместе с ним провокатора В. В.

Малиновского, которого, кстати, ранее Окулич представлял Незнамову как одного из видных заговорщиков²⁵.

На процессе Незнамов искал внимания публики, исписал, готовясь к выступлениям, толстую тетрадь, и заметно рисовался, описывая свои похождения, например, когда он, будучи нетрезвым, попытался застрелить служащего Балабуху, открывшего махинацию сторонников «атамана» с попыткой получить продукты по подложному документу. Чуть позже, когда в квартиру «заговорщика» явились чекисты и милиционеры, на Незнамова оказалось направлено восемь револьверов, но тот заявил, что является уполномоченным полпредства ГПУ — «и револьверы опустили». Начальник команды сказал Незнамову, что документов предъявлять не надо, но когда один из подчиненных шепнул, «что это Леопольд», заметно растерялся. Затем пьяный Незнамов бросился бежать и в него «стреляло 12 сотрудников ГПУ», сам он ранил двоих, а затем в барабане его револьвера взорвался патрон, отчего последовал «страшный выстрел, сотрудники [ГПУ] разбежались, я на четвереньках преследовал их». Благодаря тому, что вскоре началась перестрелка чекистов с местной воинской частью, не посвященной в операцию, Незнамов скрылся и переждал суматоху за городом. Из описания Незнамова видно, что вся эта погоня со стрельбой очень напоминала инсценировку **26.**

Некоторые обвиняемые прямо утверждали о том, что их провоцировали конкретные агенты ВЧК — ГПУ. Однако публика была подготовлена и отобрана, а в газеты попали только выгодные моменты, причем даже в официальную стенограмму постоянно вносились характерные искажения, бывшие не в пользу подсудимых, против чего не раз протестовали адвокаты. Обвинение фактически развалилось, ибо основная часть подсудимых отказалась от показаний, приведя десятки фактов издевательств и принуждений. Признания у большинства вымогались голодом, холодом, шантажом, арестами родных, избиениями; били и сексотов. Незнамов заявил о держании в ледяном карцере, так называемой «темной», и будучи «доведенным до крайности, подписывал свои показания не читая». Аналогично добились оговора и от Базарова. После 17-дневного заключения в «темной» сотрудники Каргатского политбюро Новониколаевской губчека вынудили пойти на негласное сотрудничество бывшего офицера А. Н. Оземковского, который затем оказался арестован²⁷. В протоколах допросов обвиняемых, в т. ч. рядовых участников, чередой идут факты вроде: «держали несколько дней в темной голым и голодным», «бил меня следователь Рабинович», «Круммин в ГПУ колот мне глаза пальцами»... Как показал М. А. Суржиков, уполномоченный секретного отделения Омского губотдела ГПУ З. И. Рабинович ударил его пресс-папье «и рассек лицо, после этого принесли телефонный аппарат, привязали провод к пальцу... стали крутить»²⁸.

Многие эпизоды процесса остались затемненными благодаря сознательному решению судей не фиксировать неудобные, хотя и очевидные вопросы к следователям (кто такие явные агенты Островский, Чижевский, Феокритов, Окулич, Избож), прямое участие в «организации» некоторых работников ЧК, наличие у подсудимых печатей и документов органов ВЧК и пр.; не разыскивался труп Островского, не проверялось, действительно ли Незнамов при стычке с властями ранил или убил двоих чекистов и т. д. Насколько можно судить, изменений в сценарии процесса, когда подсудимые стали отказываться от показаний, не последовало. Суд, как отметили адвокаты, основывался на материалах предварительного, а не судебного следствия. Именно это игнорирование вновь открывшихся обстоятельств и спасло (формально) процесс. Сторона обвинения, пытаясь доказать публике виновность подсудимых, обрушила на нее подробнейшую сводку материалов предварительного следствия: одна речь продолжалась 10 часов, другая — четыре часа²⁹.

Но приговор отразил определенную растерянность судей. Из 95 участников «заговора» 20 чел. пришлось освободить из-под стражи за отсутствием состава преступления и еще 12 — отпустить по амнистии. Губпрокурор П. Г. Алимов публично признал, что «в деле нет никаких документальных данных», а «материал судебного следствия представляет собой показания самих подсудимых». Выполняя партийные директивы и спасая реноме чекистов, суд приговорил 30 чел. к различным срокам (от 1 года до 10 лет) тюремного заключения укрывательство, пособничество и недонесение, а 33 чел. — к высшей мере наказания. Суд — опять-таки следуя традиционной чекистской схеме — безжалостно ликвидировал своих конспиративных помощников, осудив к смерти наиболее активных агентов. Однако уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда утвердила смертную казнь в отношении 22 осужденных, среди которых оказались и сексоты ГПУ; остальные получили 10 лет заключения. Приговор был исполнен 28 июля 1923 г. в отношении И. Д. Жвалова-Базарова, А. А. Карасевича-Незнамова, М. С. Гаркуша, М. А. Матюшкина-Маркова, К. П. Соколова, Н. А. Гурова, М. И. Хутарева, А. Н. Оземковского, Н. Е. Хорошкеева, И. Д. Гилева, П. И. Чемоданова, Е. Н. Замараева, В. Н. Широкова, И. К. Пономарева, В. А. Колпакова, В. С. Голосницкого, А. С. Набатова, М. И. Головина, В. М. Кондратовича, Н. П. Архарова, Л. А. Маханова и С. И. Дудина 30.

Отметим, что на процессе прокурор Алимов заявил, что в губсуде ведется следствие на вторую группу из «организации Базарова-Незнамова» численностью 78 чел., а в Омске только что закончено следствие еще на 17 «базаровско-незнамовских заговорщиков»³¹. Базаровско-Незнамовское дело, с его огромным «запасом» арестованных, явно должен был получить продолжение, но его признали не вполне удавшимся. Скорее всего, именно поэтому фигуранты готовившихся процессов впоследствии были освобождены. У нас есть сведения лишь о некоторых из этих лиц. Например, арестованный в 1922 г. кучер при Незнанове — 16-летний Тима Гудырин — был удален из списка обвиняемых, а затем освобожден Новониколаевским губсудом после того как показал о содержании в «темной» и избиваниях: следователь «бил меня нагайкой раз шесть и ругался черными фразами»³². Родственница Базарова, учительница из Кургана К. С. Рындина, арестованная осенью 1922 г. за «укрывательство бандитов», была в июне 1923 г. освобождена «за недостаточностью собранных улик», а еще полгода спустя ее дело оказалось прекращено Новониколаевским губсудом. Несколько дней спустя губсуд за недостатком улик прекратил дело и обвинявшегося в причастности к «заговору» крестьянина Каинского уезда И. Д. Погорельского³³.

Особенность судилища над «организацией» Базарова и Незнамова — полное отсутствие сколько-нибудь известных политических фигур, при том, что потенциал для постановки процессов с видными персонажами имелся: в то же время подготавливались дела над группой эсера П. Я. Дербера, новониколаевским епископом Софронием. Это оказался и самый громоздкий из известных нам процессов, что повлияло на позднейшие решения властей ограничивать число участников и более тщательно готовить их. Близким последствием «Базаровско-Незнамовского дела» стал отказ от попытки открытого процесса меньшевиков в Новониколаевске в 1923 г., который не дал провести чекистам непосредственно губком партии, испугавшийся вскрытия очередной грубой провокации³⁴. И даже десять лет спустя, когда в Москве и Киеве были проведены большие показательные процессы над политическими деятелями, в Сибири аналогичные судилища носили исключительно закрытый характер. Но сами чекисты о процессе 1923 г. помнили очень хорошо, так что в 30-е годы ссылки на массовое участие населения в «Базаро-Незнамовской организации» постоянно встречались в следственных делах, сфабрикованных против жителей Барабинского и Куйбышевского (бывшего Каинского) районов Новосибирской области.

Примечания

1 Волкогонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. Кн. 2. — М., 1992. С. 203. На самом деле приговор обвиняемым в «поджоге нефтяных промыслов в Сурхане» был вынесен

- в Баку Верховным Ревтрибуналом Азербайджанской ССР не в ноябре, а 9 декабря 1922 г. Достоверно известно о казни Федора Плетнева; также есть информация, что смертный приговор был пересмотрен в отношении О. С. Сухоруковой (Самородовой), получившей в итоге три года тюрьмы. Данный процесс носил явно заказной характер и был сфабрикован чекистами; об этом говорит практика применения к ряду заведомо невиновных лиц, обвинявшихся в тяжелейших государственных преступлениях, очень мягких наказаний, например, годичной ссылки. См. Материалы к биографическому словарю социалистов и анархистов, НИПЦ «Мемориал» (Москва).
- 2 Кучемко Н. М. Укрепление социалистической законности в Сибири в первые годы нэпа (1921–1923 гг.). — Новосибирск, 1981. С. 193.
- 3 См. *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК — ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. — М., 2007. С. 137–147.
- 4 *Боженко Л. И.* Соотношение классовых групп и классовая борьба в сибирской деревне (конец 1919—1927 гг.). — Томск, 1969. С. 111–126.
- 5 См. *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. — М., 1986. С. 187–190; *Волков С. В.* Трагедия русского офицерства. — М., 1999; *Папчинский А. А., Тумишис М. А.* Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. — М., 2001. С. 113; *Козубский К. Э., Ивлев М. Н.* Теракт в Суйдуне: убийство оренбургского атамана // Белая гвардия. Альманах. № 8. Казачество России в Белом движении. — М., 2004. С. 218–223; *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008. С. 125.
- 6 *Петрушин А. А.* «Мы не знаем пощады...»: Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории тюменского края по материалам ВЧК - ГПУ - НКВД - КГБ. — Тюмень, 1999. С. 37–43.
- 7 *Павлюченков С. А.* «Орден меченосцев» □ С. 125.
- 8 *Олех Г. Л.* Кровные узы. РКП (б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. — Новосибирск, 1999. С. 25–26.
- 9 Боженко Л. И. Соотношение классовых групп и классовая борьба... С. 111–112.
- 10 Советская Сибирь. 1923. 17 янв. С. 2–3.
- 11 Там же. 24 янв. С. 1.
- 12 Там же. 28 янв. С. 2.
- 13 *Боженко Л. И.* Соотношение классовых групп и классовая борьба... С. 123.
- 14 В материалах процесса обращает на себя внимание маниакальный мотив отравления коммунистов, явно перешедший из дел, сфабрикованных Новониколаевской ЧК. Еще в начале 1921 г. бывшего подпоручика Н. С. Рыжкова чекисты обвиняли как члена подпольного «Ново-Николаевского Коликционного Комитета Военной Организации», готовившего, в том числе, и отравления коммунистов. Рыжков твердо отрицал наговоры сексотов: «Ядов для травли коммунистов я ни от кого не получал»; «чтобы я сказал, что у отравленных коммунистов с портфелями можно будет в портфелях кое-что хорошего... найти — этого не было», однако оказался расстрелян. См. АУФСБ по НСО. Д. П-20646. Л. 56, 57, 78, 84.
- 15 См. номера за 17 марта, 22 марта, 27 марта, 28 марта, 1 апр., 11 апр.
- 16 См. статью В. Веля «НЭП и НЕП» (23 марта. С. 2), где гнев автора вызвали рассуждения Исаея Лежнева в пятом номере издаваемого им журнала «Россия», особенно такие: «Независимость русской общественной мысли — старинная наша традиция. За эту традицию давайте постоим. Постоим действительно верой и правдой до конца».
- 17 *Олех Г. Л.* Кровные узы □ С. 25–26, 31–32. С мнением Олеха о реальном наличии группы политических авантюристов во главе с Базаровым и Незнамовым, которой в своих целях воспользовались чекисты, согласна и томская исследовательница — см. *Рожнева Ж. А.* Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920—1930-е гг. — Томск, 2008. С. 74.
- 18 *Рожнева Ж. А.* Политические судебные процессы. □ С. 74.

19 ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 355. Л. 46.

20 Следует отметить некоторое сходство их последних слов на процессе. Базаров провозгласил: «Я снова заявляю — прекратите... преследование беженцев, эмигрантов, офицеров и т. д., и тогда наступит в стране тот мир, о котором я мечтал». Незнамов заявил следующее: «Против властей не боролся. Я боролся только с произволом отдельных личностей, но это должен делать каждый честный гражданин». Советская Сибирь. 1923. 19 мая. С. 4; 8 мая. С. 2.

21 *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»... С. 204–205.

22 Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 355. Л. 27, 324–326.

23 *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»... С. 205–206.

24 ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 355. Л. 104, 105.

25 Там же. Л. 61–62.

26 Советская Сибирь. 1923. 4 мая. С. 2; 8 мая. С. 2; ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 355. Л. 330–331.

27 Советская Сибирь. 1923. 4 мая. С. 2; *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»... С. 206.

28 *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»... С. 207.

29 Советская Сибирь. 1923. 15 мая. С. 3.

30 Там же. 16 мая. С. 3; ГАНО. Ф. 1061. Оп. 1. Д. 29. Л. 31.

31 Советская Сибирь. 1923. 10 мая. С. 2.

32 *Тепляков А. Г.* Портреты сибирских чекистов // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып. 3. — Новосибирск, 1997. С. 74.

33 Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 2. — Новосибирск, 2008. С. 33, 35.

34 *Олех Г. Л.* Кровные узы... С. 44.

Впервые опубликовано: *Тепляков А. Г.* «Базаровско-Незнамовское дело» 1923 г.:

технология фальсификации и пропагандистского обеспечения // Судебные политические процессы в СССР и коммунистических странах Европы: сравнительный анализ механизмов и практик проведения: сборник материалов российско-французского семинара (Москва, 11–12 сентября 2009 г.). — Новосибирск: Наука, 2010. С. 100–110.

Полужирным шрифтом выделены два фрагмента, не вошедшие в опубликованный вариант.